

0- 777353

На правах рукописи

ГРИНИН Леонид Ефимович

**РОЛЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В
МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность: 09.00.11 – социальная философия

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Москва 2001

0. 777353

На правах рукописи

ГРИНИН Леонид Ефимович

**РОЛЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В
МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность: 09.00.11 – социальная философия

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547539

Гришин

Москва 2001

Диссертация выполнена на кафедре социальной философии факультета философии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Официальные оппоненты:

Доктор философских наук, профессор **Гобозов И.А.**

Доктор философских наук, профессор **Гончарук С.И.**

Доктор философских наук, профессор **Познер А.Р.**

Ведущая организация

Московский государственный лингвистический университет

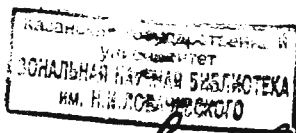
Защита состоится 5 июля 2001 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.141.12 в Московском государственном техническом университете им. Н. Э. Баумана по адресу: 107005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, ауд. 329-ю.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГТУ им. Н. Э. Баумана по адресу: 107005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, ауд. 336-ю.

Автореферат разослан

2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

С. Власов

Власов С. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Характерной чертой современной эпохи является глобализация экономических, политических, духовных и социальных структур. Особое место в этой глобализации принадлежит производительным силам. Именно благодаря современным производительным силам и новым технологиям человечество совершило прорыв в космос, резко расширило информационное поле, превратившееся фактически в единое мировое информационное пространство. Оно добилось огромных успехов в создании общественного богатства как в сфере материальных, так и в сфере духовных ценностей. Вместе с тем нельзя не отметить, что процесс роста влияния производительных сил в разных странах и регионах носит сложный, противоречивый и нередко негативный характер. Сегодня производство настолько меняет мир, что увеличение отставания общественного сознания от материальных изменений грозит очень серьезными последствиями как для отдельных стран, так и для человечества в целом. Отсюда ясно, что необходим социально-философский анализ этого процесса. Но такой анализ возможен только на принципах историзма. Поэтому в диссертации производительные силы рассматриваются через призму всемирной истории.

Степень разработанности проблемы. В XVIII веке оформились первые крупные философско-социологические теории, в центре которых находились производительные силы и географическая среда. Но перелом в вопросе о роли производительных сил в историческом процессе связан с работами Маркса и Энгельса. Их идеи о значении производительных сил получили дальнейшее развитие в марксистской науке и публицистике. В XIX веке развивались теории о влиянии на общество географической среды. В конце XIX- начале XX вв. наблюдается весьма бурное исследование проблем мировой экономической истории и этапов ее развития. Однако в основной массе трудов по философии истории и социологии значение производительных сил все еще было недооценено. В 20-30-е годы XX столетия складывается целый ряд технологических теорий, особенно в США. С 40-х годов XX века интерес к анализу влияния производства на историческое развитие и исторический процесс в целом увеличился. Причем спектр отношений к техническому про-

грессу был весьма широк: от апологетики до враждебности к технике.

В 40 - 60-е годы оформляется направление технологического детерминизма. Оно достигло расцвета в 50-60-е годы на базе экономического оптимизма, вызванного НТР, и вновь обрело популярность в 80-е годы в связи с бурным развитием компьютерной техники. В 50-60-годы активно разрабатывается теория индустриального общества (Дж. Гэлбрейт, П. Друкер, Р.Арон, Ж.Фурастье), а также конвергенции, модернизации и прочих. В 60-80-е годы получила признание теория после(пост)индустриального общества, то есть общества, идущего на смену индустриальному.

В противоположность западной отечественная наука постоянно работала над проблемами производительных сил. Однако нельзя не отметить, что, в последние десять или более лет интерес к глубокому, всеобъемлющему и на разных уровнях анализу производительных сил снизился. Отечественные философы: Барулин В.С., Васильчук Ю.А., Волков Г.И., Гобозов И.А., Горохов Ф.А., Зворыкин А.А., Келле В.Ж., Крапивенский С.Э., Марахов В.Г., Мелещенко Ю.С., Разин В.И., Семенов Ю.И., Толстых В.И., Харчев А.Г, Чагин Б.А. и другие, а также историки-теоретики: Алаев Л.Б., Александров Ю.Г., Барг М.А., Васильев Л.С., Гумилев Л.Н., Данилова Л.В., Илюшечкин В.П., Кобищанов Ю.М., Неусыхин А.И., Павлов В.И., Петров А.М., Фурсов А.И., Хазанов А.М., Черняк Е.Б., Чешков М.А. и другие сделали очень много в разработке разных вопросов, прямо или косвенно затрагивающим тему диссертации.

Но, однако, существует ряд очень серьезных проблем, которые не дают возможности развивать теорию дальше. Во-первых, это такие общие проблемы как обоснование критерия периодизации истории; недостаточная разделенность в категориях и моделях развития уровней отдельного общества и человечества; недостаточное теоретическое осмысление существования более и менее перспективных линий развития исторического процесса. Во-вторых, это связано с недостатками анализа самой категории «производительные силы», отсутствием надежного критерия различения качественных ступеней развития мировых производительных сил и неразработанностью теории производственных революций. Эти и другие, с ними связанные, проблемы автор ставит и пытается показать возможности их решения.

Объект исследования – развивающееся общество как целостное социальное образование.

Предмет исследования – анализ производительных сил в мировом историческом процессе.

Цель и задачи работы. Основной целью является исследование развития мировых производительных сил на протяжении всего всемирно-исторического процесса:

а) как отдельного процесса, имеющего внутреннюю логику развития;

б) как одного из важнейших аспектов исторического процесса, с тем, чтобы установить соотношение между ними как между частью и целым;

в) как одного из аспектов исторического процесса, влияющего на остальные его аспекты (экономический, политический, социальный, этнический и духовный), с тем, чтобы установить степень и характер такого влияния;

Реализация данной цели потребовала решения ряда теоретических, методологических и гносеологических задач:

- Уточнить представление о структуре производительных сил.

- Разделить как терминологически, так и по уровню исследования анализ: а) мировых производительных сил; б) производительных сил отдельных обществ.

- Обобщить качественно отличные состояния (ступени) мировых производительных сил единой категорией – **принцип производства благ**.

- Проследить воздействие принципов производства благ (мировых производительных сил) и на ход исторического процесса на всем его протяжении, и на отдельные его аспекты.

- Теоретически и методологически обосновать возможность сравнения части и целого, чтобы точнее выявить роль производительных сил в мировом историческом процессе.

- Установить взаимосвязь между изменениями в принципе производства и изменениями в политическом, экономическом, социальном, духовном, этническом аспектах исторического процесса.

- Разработать теорию производственных революций как крупнейших рубежей в развитии мировых производительных сил и всемирно-исторического процесса в целом.

- Установить четкую взаимосвязь между производственными революциями, развитием принципа производства, с одной

стороны, сменой формаций и периодизацией исторического процесса – с другой.

Методологическая база исследования. В диссертации автор в большей или меньшей степени опирался на концептуальные идеи и ценные выводы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Г. В. Плеханова, К. Каутского, А. Лабриолы и других крупных марксистов. Автор также использовал отдельные идеи многих отечественных обществоведов, историков и этнографов: Барга М.А., Бромлея Ю.В., Васильева Л.С., Гобозова И.А., Гуревича А. Я., Даниловой Л.В., Ключевского В.О., Илюшечкина В.П., Исламова Т.М., Семенова Ю.И. и многих других.

Безусловную помощь автору оказали отдельные идеи и выводы таких крупных зарубежных исследователей, как Р. Арон, Г.Башляр, Д.Белл, Р.Белла, П.Бергер, Дж. Бернал, М.Блок, К.Боулдинг, Ф.Бродель, П.Бурдьё, Э.Валлерстайн, М.Вебер, Н. Винер, К. Виттфогель, Х. Гадамер, Гегель, Э.Геллнер, Дж. Гэлбрейт, К. Гемпель, Ж.Дюби, Р.Карнап, Р. Карнейро, Р.Колингвуд, Р.Коллинз, К. Леви-Строс, Ю. Липс, П. Манту, Дж. Мелларт, Р. Нисбет, Т.Парсонс, К. Поппер, Б. Рассел, М.Салинз, Э.Сервис, А.Смит, П.Сорокин, Г. Спенсер, К.Ясперс и других.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Проведен анализ производительных сил на разных уровнях и в разных проекциях: на уровне отдельной общественной системы; на уровне формационно-всемирном; и сделано сравнение производственного аспекта исторического процесса последовательно с экономическим, политическим, социальным, этническим и духовным его аспектами на протяжении всего исторического процесса.

2. Дана оригинальная трактовка структуры производительных сил: 1) предмет труда; 2) орудия и иные средства труда; 3) энергетические источники; 4) транспорт и коммуникации; 5) хранилища; 6) средства связи и информации; 7) люди; 8) производственное сознание (включая технологию и науку); 9) производственная организация общества.

3. Сделан развернутый анализ механизма действия закона соответствия производственных отношений характеру и уровню производительных сил с учетом особенностей производительных сил на каждом этапе развития исторического процесса.

4. Введено понятие **принципа производства благ** как категории, которая позволяет выделять качественные ступени развития мировых производительных сил.

5. Введен ряд категорий, важных для анализа общественно-экономических формаций и удобных для генерализующего анализа отдельных аспектов всемирно-исторического процесса (тип отчуждения благ и личности, тип политической организации общества, тип социальной организации обществ, тип общественного сознания).

6. Обоснована теория производственных революций как важнейших рубежей развития мировых производительных сил (принципов производства благ) и исторического процесса в целом.

7. Показано движение одного аспекта (линии) исторического процесса (принципов производства благ) и как отдельного во многом самостоятельного процесса, и в рамках общего развития исторического процесса.

8. Установлен характер связи между циклами развития формации, принципа производства и производственной революции.

9. Раскрыты важные движущие силы перехода с этапа на этап формации и принципа производства; показан механизм нарастания системных несоответствий между производством и другими сферами.

НА ЗАЩИТУ ВЫНОСЯТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Структуру производительных сил необходимо связывать с условиями, которые обязательны для любого производства (наличие самих людей; наличие предмета труда; производство орудий труда и иных средств труда; наличие энергии для всего процесса; наличие транспорта и коммуникаций; получение, обработка и передача информации; возможность хранения продукции, сырья и прочего; необходимые знания о производстве; формы и способы организации людей для совместного производства). Исходя из этих условий, структура производительных сил выглядит так: 1) предмет труда; 2) орудия и иные средства труда; 3) энергетические источники; 4) транспорт и коммуникации; 5) хранилища; 6) средства связи и информации; 7) люди; 8) производственное сознание (включая технологию и науку); 9) производственная организация общества.

2. Закон соответствия производственных отношений характеру и уровню производительных сил действует не как правило, а скорее как исключение, поскольку переход на новую ступень развития производительных сил был редкой ситуацией (особенно для докапиталистических обществ), и это происходило в местах наилучшего сочетания условий для такого рывка, а не автоматически. В модели закона наблюдается два полярных состояния: соответствия и несоответствия. Каждое из этих состояний имеет две фазы. Таким образом, можно говорить о четырех фазах модели действия закона: соответствия; формирования новых производительных сил; кризисная; подъема.

3. Анализ исторического процесса в целом имеет очень существенные отличия от анализа отдельных обществ, а принципы исследования исторического развития человечества прямо не приложимы к истории любого общества. Поэтому нужно выделить два базовых уровня анализа: отдельного общества и всемирно-исторического процесса. Отсюда следует, что для каждого уровня анализа необходимы особые методики и термины.

4. Для более продуктивного анализа всемирно-исторического процесса категорию общественно-экономическая формация необходимо применять только для описания общечеловеческих ступеней исторического развития, которые по определению не могут быть этапами развития отдельного общества. А для этапов развития внутри отдельных обществ, соотносимых с формациями, следует использовать понятие «формационные стадии».

5. Для характеристики отдельных сторон формаций как этапов мирового исторического процесса необходимо ввести особые категории: **тип отчуждения благ и личности, тип политической организации обществ, тип социальной организации обществ, тип этнической организации обществ, тип общественного сознания.** Эти категории удобны также для генерализующего анализа отдельных аспектов исторического процесса, соответственно: экономического, политического, социального, этнического и духовного.

6. Категорию производительные силы продуктивнее оставить для анализа производственной сферы отдельных обществ, а качественно отличные состояния (ступени) мировых производительных сил нужно обозначить особой категорией – **принцип производства благ.** Можно выделить четыре принципа производства благ: охотничье-собираТЕЛЬский, аграрно-ремесленный,

промышленный, научно-информационный. Развитие принципов производства благ можно рассматривать также как особый – **производственный** – аспект мирового исторического процесса.

7. Производственные революции **аграрную, промышленную и научно-информационную** (научно-техническую) следует считать крупнейшими рубежами в развитии мировых производительных сил (принципов производства благ). В каждой производственной революции можно выделить два качественных этапа, разделяемых длительным временным интервалом. Первый этап производственной революции знаменует начало нового принципа производства, второй – переход принципа производства в зрелую фазу. Между производственными революциями, развитием принципов производства, с одной стороны, сменой формаций и периодизацией исторического процесса – с другой, можно установить четкую взаимосвязь.

8. Анализ влияния производственного аспекта на ход исторического процесса в целом и на отдельные его аспекты позволяет говорить не просто о большой, но об особой роли принципа производства (и производительных сил в целом) в мировом историческом процессе по сравнению с другими его аспектами.

Научно-практическая значимость работы. Результаты и выводы исследования вносят определенный вклад в исследование движущих сил развития и периодизации истории, сравнения разных регионов. Они могут быть использованы в учебном процессе при чтении общих курсов по философии, а также специальных курсов.

Апробация работы. Основные идеи диссертации были изложены в ряде книг, статей и иных публикаций, общий объем которых составляет примерно 120 печ. листов. Основные идеи диссертации были отражены в выступлениях автора на всемирном философском конгрессе в 1998 г. в Бостоне, на российском философском конгрессе в С. - Петербурге, а также на международных и российских конференциях в разных местах. В частности: на первой и второй международных научных конференциях «Человек в современных философских концепциях» Волгоград, 17-19 сентября 1998 и Волгоград, 19-22 сентября 2000 г.; на Международной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций», Москва, 15-18 июня 2000. Публиковались тезисы в материалах других конференций, в частности: Илиадиевские

чтения. Тезисы докладов и выступлений международной научной конференции. Курск, 3-5 марта 1998 г. – Курск: КГПУ, 1998.

Диссертация обсуждалась на кафедре социальной философии факультета философии и социальных технологий Волгоградского государственного университета, а также на кафедре философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 15 параграфов, и заключения. Общий объем работы составляет 16,3 печ. листа. Список литературы включает 351 наименование, в том числе 59 на английском языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется степень разработанности проблемы, формулируются цели и основные задачи работы, характеризуются новизна основных выводов и подходов, раскрывается научная и практическая значимость диссертационного исследования, а также формы апробации результатов.

В первой главе «Методологические проблемы исследования производительных сил» дается характеристика категории производительные силы в новой интерпретации, показывается необходимость разделить уровни исследования: отдельного общества и всемирный. Аргументируется необходимость ввести категорию «принцип производства благ». Дается система категорий необходимых для анализа роли производительных сил в мировом историческом процессе.

В первом параграфе «Производительные силы в рамках отдельной общественной системы» категория «производительные силы» исследуется применительно к отдельному социальному организму, а не к историческому процессу в целом.

Был сделан вывод: чтобы использовать категорию «производительные силы» для анализа любого общества, необходимо кое в чем уточнить само содержание этой категории. Например, для доиндустриальных обществ значение чисто социальных производительных сил, прежде всего орудий труда (техники), не было столь большим, как и в эпоху капитализма, и напротив, природная среда нередко имела даже большее значение, чем собственно производительные силы. В то же время в индустриальную эпоху базисная роль географической среды уменьшает-

ся, а влияние производительных сил растет. Поэтому имеет смысл рассматривать географическую среду и производительные силы как единую систему, точнее, включать в теории в состав производительных сил часть географической среды. Некоторые ученые (Ким М.П., Данилова Л.В., Анучин В.А., Семенов Ю.И.) фактически придерживаются подобной точки зрения, но к сожалению, их высказывания разрознены или неоднозначно толкуются.

Производительные силы в концепции исторического материализма делились на средства производства и людей. Первые, в свою очередь, включали в свой состав предмет труда и средства труда. А последние определялись как совокупность орудий труда и прочих средств труда. Нам кажется, что такой подход не полностью удовлетворителен и требует развития. Во-первых, из анализа как-то выпадают очень важные элементы производительных сил, которые в некоторых случаях были решающими. Например, в современных условиях важнейшими становятся средства связи и информации, которые в структуре производительных сил также не представлены адекватно. Во-вторых, такая структура в полной мере не отражает роли географической среды в производстве, что создает питательную почву для технизма.

Думается, что лучше всего при анализе структуры производительных сил в рамках отдельного общества исходить из тех условий, которые обязательны для любого производства и которые так или иначе структурируют производительные силы : наличие самих людей; наличие предмета труда; производство орудий труда и иных средств труда; наличие энергии для всего процесса; наличие транспорта и коммуникаций; получение, обработка и передача информации; возможность хранения продукции, сырья и прочего; необходимые знания о производстве; формы и способы организации людей для совместного производства. Исходя из этих условий, структура производительных сил выглядит так: 1) предмет труда; 2) орудия и иные средства труда; 3) энергетические источники; 4) транспорт и коммуникации; 5) хранилища; 6) средства связи и информации; 7) люди; 8) производственное сознание (включая технологию и науку); 9) производственная организация общества.

В знаменитом «Предисловии» «К критике политической экономии» Карла Маркса дается алгоритм закона соответствия производительных сил и производственных отношений. Однако

предполагать однотипную реализацию закона в любом социальном организме неправомерно. Закон действует в описанном Марксом виде прежде всего в обществах, наиболее близко находящихся к генеральной линии исторического процесса. Иными словами, закон действует не как правило, а скорее как исключение. И это не случайно. Переход на новую ступень развития производительных сил был редкой ситуацией (особенно для докапиталистических обществ), и это происходило в местах наилучшего сочетания условий для такого рывка, а не автоматически.

Далее дается описание модели действия закона соответствия производственных отношений производительным силам. Но, исходя из сказанного, она не является универсальной, а лишь одной из возможных. Однако для нашего исследования она выступает как теоретически более важная. Закон имеет два полярных состояния: **соответствия – несоответствия**, каждое из которых состоит из двух фаз. Таким образом, можно говорить о четырех фазах в модели закона: соответствия; формирования новых производительных сил; кризисная; подъема. Стоит отметить, что действие рассматриваемого закона наиболее четко прослеживается в определенных исторических границах: это эпоха индустриализма до перехода от промышленного к научно-информационному производству.

Во втором параграфе «Мировые производительные силы и категория « принцип производства благ» доказывается, что для анализа качественных ступеней мировых производительных сил необходимо ввести специальную категорию **«принцип производства благ»**. Дается анализ этой категории, характеризуются производственные революции как качественные рубежи, знаменующие начало смены принципов производства.

Анализ исторического процесса имеет очень существенные отличия от исследования как всемирной истории, так и тем более истории отдельных обществ, а принципы исследования исторического развития человечества прямо не приложимы к истории любого общества. И хотя исторический процесс и история любой отдельной страны определенным образом соотносятся между собой, но это соотношение не есть прямая проекция общего на частное, не есть прямое отражение(преломление) общего в частном, а только сложное, не прямое, часто неповторимое соотношение.

Поэтому нужно выделить два **базовых** уровня: отдельного общества (как относительно самодостаточной и независимой от других системы) и всемирно-исторического процесса. И лишь в обществе-первопроходце происходит максимальное (но далеко не полное) сближение в этом (только в этом) плане мирового и общественного развития. Отсюда следует важный методологический вывод о том, что необходимы разные абстрактно-логические и языковые средства для этих уровней, следовательно, и разные методики и термины.

Сказанное объясняет, почему для анализа всемирно-исторического процесса нельзя удовлетвориться только общеизвестным термином «производительные силы». Удобный для описания производственной подсистемы отдельного общества, он менее продуктивен для анализа качественных этапов развития мировых производительных сил. Думается, что не случайно не удалось найти достаточно ясный критерий различения ступеней производительных сил. Решить указанную задачу продуктивно удастся только с помощью достаточно объемной и четкой теории. Но она невозможна без специальной категории, которая бы описывала качественные ступени мировых производительных сил. И желательно обозначить ее по-новому, так, чтобы избежать ненужной путаницы с разноуровневыми, но похожими по названию категориями. Категорию, которая описывает эти **четыре** ступени в развитии мировых производительных сил, мы предлагаем назвать **принципами производства благ** (в дальнейшем кратко принцип производства).

Эта категория не совпадет с общеизвестным термином «способ производства материальных благ». Во-первых, потому что понятие принципа производства относится только к формации (человечеству), а не к отдельному обществу, а способ производства и к одному и к другому уровню сразу. Во-вторых, потому, что принцип производства охватывает лишь сходство в хозяйстве, в отличие от способа производства, который объединял в себе как производительные силы, так и производственные отношения. Слово «**благ**» в названии категории означает не только материальные, но и некоторые духовные блага. Речь идет прежде всего о производстве обычных, типичных благ, предназначенных для поддержания или расширения жизненного цикла обществ и самого производства, неважно материальные они или духовные.

Принцип производства – категория, которая описывает очень крупные качественные ступени развития мировых производительных сил в историческом процессе. Чтобы яснее понять смысл этой категории, целесообразно указать, какие же изменения происходят при его смене: 1. Усложняются структура и функции производительных сил, появляются новые элементы и сектора. 2. Производительность труда увеличивается многократно. 3. Резко возрастает излишек благ. 4. Переход к новому принципу производства позволяет обеспечить минимум жизненных благ во много раз большее население. 5. Принципиально изменяются пределы, поставленные географической средой. 6. Резко увеличивается плотность производственных и экономических контактов между обществами, объем потребляемой энергии, информации и прочего.

Мы выделяем четыре принципа производства: **1. Охотничье-собираТЕЛЬский 2. Аграрно-ремесленный 3. Промышленный 4. Научно-информационный.**

Цикл принципа производства можно представить в шести этапах:

1. Первый этап – «переходный». Он связан с появлением нового принципа производства, но еще очень неразвитого.

2. Второй этап – «молодости» – связан с более широким распространением новых видов хозяйствования и укреплением нового принципа производства, который теперь уже господствует во многих местах.

3. Третий этап – «расцвета» – связан со вторым этапом производственной революции, который создает основу для зрелых форм принципа производства.

4. Четвертый этап – «зрелости» – связан с процессом широкого распространения новых технологий. Принцип производства приобретает свои классические формы.

5. Пятый этап – «высокой зрелости». Принцип производства реализует все свои потенции, и возникают несистемные для него явления.

6. Шестой этап – «подготовительный». Появляется все больше несистемных элементов, которые готовят рождение нового принципа производства. Шестой этап – последний в плане развития генеральной линии исторического процесса. Далее в некоторых обществах возможен переход к новому принципу производства и цикл повторяется.

Категория «производственная революция» носит все еще как бы полунаучный статус. Нет также ее анализа в связи с остальными философско-социологическими категориями. К сожалению, и идея связывать с производственными революциями крупные этапы исторического процесса не представлена достаточно развернутой и обоснованной теорией. Однако теория производственной революции крайне необходима, и мы пытались ее разработать.

Производственная революция – это категория, описывающая коренной переворот в мировых производительных силах, который приводит к смене принципа производства и, как результат, к смене формации.

Речь идет об: **1. Аграрной**, или сельскохозяйственной, революции, которую по привычке часто называют неолитической. **2. Промышленной**, или индустриальной **3. Научно-информационной** (или НТР). Каждая из этих революций уникальна и имеет неповторимые черты. Но в то же время во всех есть и много принципиальных сходств, которые связаны прежде всего с тем, что производственные революции являются составной частью принципов производства, точнее сказать, их начальными этапами, до тех пор пока принцип производства не приобретет своих специфических черт.

Производственная революция имеет свой собственный цикл. Он включает в себя три главных этапа, которые в основном совпадают с тремя первыми этапами принципа производства. Можно говорить о двух качественных этапах и разделяющем их количественном, или своего рода **перерыве** между качественными этапами. Каждый этап производственной революции – очень крупный рывок в производстве. Схема двух качественных этапов производственных революций выглядит так.

Аграрная революция:

Первый этап – переход к примитивному ручному (мотыжно-му) земледелию и скотоводству; **второй** – переход к ирригационному или неполивному плужному земледелию.

Промышленная революция:

Первый этап начинается в XV–XVI вв. мощным развитием техники и механизации на основе водяного двигателя, усложнением разделения труда, усовершенствованием морского транспорта и другими процессами. **Второй этап** – промышленный переворот XVIII – первой трети XIX вв., связанный с внедрением различных машин и паровой энергии.

Научно-информационная (научно-техническая) революция:

Первый этап начался в 40–50-е годы XX века. Он связан с рядом научно-технических прорывов в автоматизации, энергетике, в области синтетических материалов, но особенно с созданием электронных средств управления, связи и информации; **второй** – предположительный, который может начаться в ближайшие десятилетия. Он может иметь «биологический» уклон, ведущий к изменениям в отношении к природе (управления ей).

В третьем параграфе **«Принцип производства и другие категории теории исторического процесса»** идет речь о соотношении категорий принцип производства благ и общественно-экономическая формация, доказывается, что последняя должна применяться только к уровню исторического процесса, а не к уровню отдельного общества.

Мы считаем, что для масштаба исторического процесса в целом достаточно использовать два главных измерения, которые составят, образно говоря, систему координат и облегчат проблему более точной локализации отдельных обществ и периодов в рамках общего процесса. Одно – **горизонтальное** измерение – показывает сходство в строении, функциях, уровне развития, а второе – **вертикальное** – направление развития от низшего к высшему, от менее развитых к более развитым формам. Эти два измерения позволяют в теории исторического процесса объединить идеи универсальности и исключительности развития разных обществ.

В **горизонтальной** модели формационные характеристики «не списываются» с какого-то «эталонного» общества, а должны быть приложимы ко всем обществам определенного уровня. Следовательно, то общее, что выделяется, должно быть весьма абстрактным, то есть не иметь конкретно-исторических черт. **Вертикальное измерение** показывает общее направление движения социальных организмов по оси времени. Но здесь уже невозможно отмахнуться от того, что развитие социумов идет не по одному, а по ряду вертикальных направлений и что есть более и менее прогрессивные линии. Главное же, что есть такие общества, через которые человечество как бы совершает прорыв в новое качество. Эти модели в конечном счете оказываются наиболее удачными, поэтому они через какое-то время, когда доказывают свое превосходство, становятся предметом заимствования и перенимания. Путь та-

ких обществ необходимо выделить как особую и теоретически очень важную линию в вертикальном измерении, которую можно обозначить как **генеральную линию исторического процесса**.

Генеральная линия есть синтезированная, собирательная линия исторического процесса. Она показывает узловые его моменты, прежде всего переходы от этапа к этапу, от формации к формации. Это не проекция пути каких-то определенных обществ, регионов или цивилизаций. Мы ее как бы складываем, суммируя развитие ряда передовых (для каждого этапа) социальных организмов, поскольку ни одно общество не могло проделать такой путь самостоятельно, а только все человечество в целом. Следовательно, генеральная линия – это линия нового, принципиально неизвестного, а потому нетипичного, линия мутаций и скачков. Отсюда понятно, что для моделирования генеральной линии методологически важными являются ситуации, когда общества в основном самостоятельно переходят к новому.

Описанная методология позволяет соединить идеи принципиально разных линий развития народов, с одной стороны, общих закономерностей развития и единства исторического процесса – с другой. Но для такого совмещения необходимо строго оговорить содержание категории «общественно-экономическая формация». Она обладает несомненными достоинствами. Но необходима работа, с тем чтобы избежать ненужной многозначности и путаницы при ее использовании. Особенно надо оговорить следующее. Во-первых, названия отдельных формаций не стоит давать ни по формам собственности, ни по каким другим частичным признакам и характеристикам. Названия должны быть нейтральными, и, думается, удобнее всего обозначать формации по номерам: первая, вторая, третья, четвертая. Главное же, формацию надо связать с более высоким уровнем обобщения, чем отдельное общество – с историческим процессом в целом.

В абсолютном большинстве случаев формацию определяют как некую универсальную модель развития общества, которая может быть приложима практически к любому историческому обществу. Одновременно формация считается стадией развития человечества, но не как ступень, присущая только человечеству в целом, а как повторяющиеся в каждом обществе изменения, которые вместе и ведут общества и народы по одинаковой дороге. «Такой взгляд, несомненно, находится в во-

пиющем противоречии с исторической реальностью» (Ю.И.Семенов). Ведь если формации – это стадии развития всех, пусть большинства обществ, то теоретические модели формаций должны подтверждаться в большинстве же случаев. Однако этого нет, напротив, формационные модели подтверждаются только в меньшинстве ситуаций, и по данному поводу написано много теоретической и исторической литературы.

Следовательно, мысль о нераздельности содержания формаций сразу как и стадий любого общества, и стадий мирового процесса надо признать неправильной и непродуктивной. **Формации необходимо рассматривать только как общечеловеческие этапы, которые по определению не могут быть этапами развития отдельного общества.** А для этапов развития внутри отдельных обществ, соотносимых по смыслу с формацией, ввести понятие **формационная стадия**. Формационные стадии любого из обществ, которые вступили в систему данной формации, обязательно соотносятся с ней, только соотношение это не прямое, так как зависит от места общества в системе формации и многих других вещей.

Итак, в нашем понимании, **формация – это категория, с помощью которой описываются основные этапы (части) всемирно-исторического процесса.** Таким образом, эта категория показывает одновременно единство и многообразие исторического процесса, его непрерывность и членение во времени. Внутри любой из формаций можно выделить определенные этапы, которые идут в одинаковой последовательности. Мы выделяем шесть таких этапов.

Особая сложность содержания рассматриваемой категории требует и особой методики. Формацию можно представить как совокупность ряда соподчиненных категорий, которые вместе составляют достаточно стройную систему. Условно можно назвать их **базовыми** категориями теории исторического процесса, поскольку они выступают не только как важнейшие характеристики формации, но и как категории, которые описывают в общих чертах отдельные аспекты исторического процесса (производственного, социального и других). Одна из этих базовых категорий – принцип производства благ. Другие базовые категории подробно охарактеризованы в третьей главе. Особое место в нашей теории занимает категория **формационные противоречия: основное, переходное и остаточное.**

Во второй главе «Смена принципов производства благ как важнейшая составная часть мирового исторического процесса» анализируется зарождение, развитие и смена четырех принципов производства в их сопоставлении с развитием формаций, рассматривается ход трех производственных революций.

В первом параграфе «Периодизация исторического процесса и смена принципов производства благ» показывается, что периодизация исторического процесса в нашей концепции довольно тесно связана со сменой принципов производства.

Построение периодизации требует соблюдения **правила одинаковых оснований**, то есть необходимости при выделении равных по таксономической значимости периодов исходить из одинаковых причин (оснований). Если приложить это правило к нашей периодизации, то можно сказать, что деление первой ступени есть деление исторического процесса на четыре формации. Однако периодизация исторического процесса не может быть простой. С одной стороны, в новой формации должны измениться все составные части. С другой – формация является очень сложной системой, а перемены в разных ее сферах совершаются в разное время. Периодизация должна объяснять данное несовпадение. Для этого в ней необходимо различать смысловую (концептуальную) и хронологическую стороны. Другими словами, **помимо главного основания периодизации**, которое определяет количество и характеристики выделяемых периодов, **нужно еще и дополнительное**, с помощью которого уточняется хронология.

Категорией, с помощью которой можно обозначать начало новой формации, является принцип производства. Мы считаем ее **относительно более фундаментальной** по следующим причинам:

1. Коренные изменения в производстве ведут к образованию большого прибавочного продукта, а также к большому росту населения. А оба этих процесса неизбежно вызывают коренные перемены в остальных сферах жизни. 2. Хотя большой излишек благ может возникнуть и за счет иных причин (богатства природы, успешной торговли или войны), но такие исключительные условия не могут быть предметом заимствования. Напротив, новые производительные силы заимствуются относительно легче, а потому распространяются во многих обществах.

Как уже говорилось, новый принцип производства открывается производственной революцией. Вот этот момент и будет наиболее удобным дополнительным основанием, с помощью которого устанавливаются хронологии смены формаций.

Во втором параграфе «Охотничье-собирательский принцип производства» анализируется присваивающее хозяйство первобытности. Но – в отличие от исторического материализма – верхнюю границу первобытности мы связываем с началом аграрной революции, а не с появлением первых государств. В отношении нижней границы мы присоединяемся к точке зрения ряда ученых, которые предлагают рассматривать период антропогенеза как предысторию. Весь период первой формации в нашем понимании в ее восходящей части составляет примерно 25 - 30 тыс. лет: от появления Homo sapiens 30–40 тыс. лет назад до начала перехода к сельскому хозяйству (примерно 12-9 тыс. лет назад). После этого общества присваивающего хозяйства существовали и развивались еще многие тысячи лет, но они уже были вне генеральной линии истории.

Скудость сведений о первобытности крайне усложняет и вопрос о том, каким образом выделять этапы охотничье-собирательского принципа производства. Все же мы думаем, что его этапы надо связывать с качественными рубежами приспособления к природе и овладения ей. Ведь размеры коллективов, орудия труда, способы хозяйствования, образ жизни – словом, почти все исключительно зависело от окружающих природных условий. Если этапы соотносить также с крупными изменениями в природных условиях, появляется возможность привязаться к абсолютной хронологии в общечеловеческом масштабе.

Тогда **первый** этап можно связать с появлением человека разумного и созданием хотя и примитивных, но уже социальных производительных сил. **Второй** этап привел к окончательному преодолению того, что можно назвать остаточным противоречием антропогенеза: между биологическими и социальными регуляторами жизнедеятельности. В целом первые два этапа (**переходный**, в данном случае из антропогенеза, и **молодости**) охотничье-собирательского принципа производства можно соотнести с периодом до последнего ледникового, то есть до эпохи 20 тыс. лет назад. На первых этапах орудия труда еще очень несовершенны.

Третий этап – расцвета – можно связать с периодом последнего ледникового и максимального похолодания (Вюрм III), то есть очень условно 20–16 тыс. лет назад. И хотя это было далеко не первое оледенение, но в этот раз люди уже имели достаточный уровень развития производительных сил и социальности, чтобы часть коллективов смогла не только выжить в более суровых условиях, но даже благоденствовать на базе получения некоторого излишка продукции.

В течение этого и следующего **четвертого этапа (зрелости) – примерно 16–13 тыс. лет назад – степень приспособления к изменяющимся природным условиям сильно возрастает. Таким образом, зрелость первой формации наступает в конце палеолита, а высшие ее этапы относятся уже к мезолиту. Прогресс был не только у охотников. Возникло или приобрело важное значение рыболовство на реках и озерах. Там, где не было похолодания, появлялись также интенсивные собиратели.**

Пятый этап – высокой зрелости – возможно связать с мощным отступлением ледников. Осуществляется переход к индивидуальной охоте, поскольку в результате потепления и очередного изменения климатов и ландшафтов в мезолите крупной дичи стало меньше. Появились технические возможности для поддержания автономного существования более мелких групп и даже отдельных семей (лук, копьеметалка и т.п.). Далее некоторые общества шли к шестому подготовительному этапу, откуда открывался путь к новому аграрно-ремесленному принципу производства.

Существует мнение, что ведущим противоречием первобытнообщинного способа производства было противоречие между жизненно необходимыми потребностями первобытных людей и низким уровнем развития производительных сил. Мы же полагаем неверной мысль о том, что первобытные люди были вечно голодны и заняты только поисками пищи. Конечно, природа порой могла быть жестока с людьми и социумами, но часто она бывала и щедрой. Полевые же исследования показывают, что даже не в самых изобильных местах первобытные охотники и собиратели уже настолько приспособились к окружающей природе, что могли в **среднем** трудиться не более нескольких часов в сутки. Конечно, трудовая нагрузка в течение года распределялась очень неравномерно.

Поэтому основным противоречием первой формации следует считать противоречие между возможностью произ-

водить больше, но отсутствием стимулов для этого. Иными словами, производитель может, но не считает нужным добывать благ больше обычных потребностей и общественных нужд. Он не стремится к постоянному накоплению пищи и других благ.

Это объяснялось тем, что слабость возможностей для хранения, транспортировки и обмена ставила жесткие преграды для накопления, а сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения строго ориентировали людей на беззаботность и необходимость делиться с сородичами.

Пока основное противоречие еще не кризисно, главное в нем, условно говоря, его **технический** аспект (сторона), то есть действие его в первую очередь связано с ограничениями самих производительных сил. В частности с неумением запасать, отсутствием обмена. Однако постепенно эта ограниченность производительных сил в значительной мере устранялся. Появлялся заметный излишек благ, а также и **престижные блага** (шкуры, бивни, красивое оружие, украшения). На поздних этапах начинают зарождаться имущественное расслоение, социальное неравенство, накопление богатств в руках отдельных людей, престижный обмен и торговля. Теперь главным становится общественный аспект основного противоречия.

На пятом и шестом этапах экстенсивный тип хозяйствования сменяется интенсивным. Для нас особенно интересны народы-собиратели урожая как более прогрессивная ветвь развития. Такое собирательство может быть очень продуктивным. Использовались самые разные растения. Эти народы изобрели много орудий труда и приемов, которые позже перешли к земледельцам: серпы и жатки, зернотерки и др. Народы-собиратели урожая кое в чем начинают помогать растениям. Такие приемы известны даже охотникам. Таким образом, на **шестом** этапе уже очень много элементов будущего принципа производства.

В третьем параграфе «Аграрная революция. Начальные этапы аграрно-ремесленного принципа производства» анализируется ход аграрной революции и особенности складывания аграрно-ремесленного принципа производства.

Аграрная революция заняла тысячелетия. По распространенному и совершенно верному мнению, эта революция **есть переход от присвоения пищи к ее производству**. Но стоит уточнить: она связана не просто с созданием пищи, но и с воз-

возможностью запасать ее в больших объемах, в том числе и в виде домашнего скота, а также с созданием удобных для долгого хранения и обмена благ, олицетворявших богатство. Она не только привела к созданию **производящего хозяйства**, но и открыла новые движущие силы развития в виде разделения труда.

Первый этап этой революции привел к победе нового (но еще незрелого) принципа производства. Второй – к утверждению интенсивного хозяйства. Уже первый этап способствовал выделению ремесла и торговли, со второго они стали самостоятельными областями производства. **Магистральными путями перехода к интенсивному земледелию были сначала ирригационное, а потом плужное неполивное хозяйство.** Однако имелись и иные варианты второго этапа аграрной революции. Интенсивное земледелие связано в первую очередь с зерновыми.

Земледелие, впервые появляется скорее всего у каких-то собирателей урожая. Переход к приручению животных прослеживается сложнее, чем к земледелию. В целом весьма вероятно, что к переходу к сельскому хозяйству могли побудить какие-то переломные, например, если «в период ухудшения климатической обстановки» создалась кризисная ситуация «для прежней системы хозяйства» (В.А. Шнирельман). Однако, на наш взгляд, не исключено, что переход мог происходить и на подъеме производства, например при складывании товарного хозяйства, при дополнительной потребности в продуктах при дарообмене или по каким-то иным причинам, побуждающим людей увеличивать объемы производства. Это могло быть временным или эпизодическим явлением, важно, что сама технология выращивания растений была уже известна.

Поэтому нам кажется весьма правдоподобным, что земледелие и скотоводство скорее всего изобретаются в обществах-переростках как дополнительный и неважный в общем объеме сектор. Зато общества, менее продвинутые, но более способные к заимствованиям и к структурным перестройкам, могли перенять такие достижения и сделать их основой для своего развития. Первичное возникновение наиболее важного зернового хозяйства могло произойти только в определенных природных условиях. Предполагают, что дикие злаки стали культивировать раньше всего на склонах Палестины. Но есть и предположения, что в Междуречье Тигра и Евфрата. Во всяком случае, где-то на Ближнем Востоке. Первые следы земледелия

еще в рамках охотничье-собирабельского принципа производства относятся к периоду 15–12 тыс. лет назад. Собственно первый этап аграрной революции, можно датировать 12–9 тыс. лет назад. Этот период заканчивается формированием Переднеазиатского региона земледелия.

Между первым и вторым этапом аграрной революции лежит период количественных изменений. Он включает в себя образование новых очагов земледелия, распространение из Передней Азии сельскохозяйственных культур в другие регионы. Условно этот этап можно датировать 8–5 тыс. лет назад до формирования ирригационного хозяйства Древнего Египта. В этот период приручаются козы и овцы, а также первые тягловые животные – быки. Идет активный обмен достижениями.

Второй этап аграрной революции в первом своем варианте представлял переход к орошаемому земледелию. При плодородных почвах результаты были поразительными. Теоретически важно отметить, что в районах больших рек и мягких почв для перехода к поливному земледелию, которое и было основой для появления государств и цивилизаций, особой техники и металлов в целом не требовалось. Мало того, иногда техника была совершенно примитивной. Решающим фактором совершения второго этапа аграрной революции в этом случае выступала не техника, а ирригация, селекция, агрономические приемы, которые позволяли ввести в оборот плодородные земли либо решительно повысить урожайность.

Однако на более зрелых этапах в этих плодородных местах появляется и техника. Скорее всего, именно в Египте (но, может быть, и в Междуречье) изобрели плуг и стали использовать для пахоты быков. Это оказалось исключительно важным для тех районов, где земледелие было дождевым. Только с появлением упряжных животных и плуга (да еще с металлическим лемехом) в Европе и других местах мог совершиться второй этап сельскохозяйственной революции. И только с ним туда пришла цивилизация. Таким образом, техническая революция – только часть производственной, правда, часть неотъемлемая. Однако если в промышленной революции техническая часть оказалась центральной, то в аграрной – роль техники была существенно меньше.

В четвертом параграфе «Зрелые этапы аграрно-ремесленного принципа производства» дается характеристи-

ка этого принципа производства, его периодизация, анализируется основное противоречие второй формации .

Первобытная уравнительность и прочие проявления остаточного противоречия чувствовались еще очень сильно. Но новый сектор обычно был менее опутан старыми традициями, чем прежние занятия. Не случайно формирование любого принципа производства начинается в новых (технологически или географически) секторах. На этом этапе в целом люди стали работать больше, чем раньше, а производитель был сильнее заинтересован в результатах своего труда.

Третий (расцвета) этап принципа производства открывает переход к интенсивному земледелию, в результате выделяются в самостоятельные области скотоводство, ремесло и торговля. Именно в этот период появляются первые государства. Начинается урбанизация. Но расцвет городской культуры приходится на более поздние этапы. С переходом к интенсивному земледелию резко, взрывным образом, стало расти население Земли. Выход на систему самодостаточного интенсивного сельского хозяйства составляет смысл **четвертого (зрелости) этапа**. С переходом на использование мускульной и двигательной силы животных наступает зрелость животноводства. Интенсивная специализация, кооперация, расцвет ремесла, торговли и денежно-кредитных отношений составляют смысл **пятого (высокой зрелости) этапа**.

Основное противоречие второй формации можно определить как противоречие между возможностями к росту производства и населения, техническому совершенствованию, с одной стороны, и внеэкономическим отчуждением, а также таким регулированием деятельности и потребления, которое лишает производителя стимулов к расширению хозяйства и к производительному использованию богатства — с другой.

Говоря иначе, отчуждалось много прибавочного продукта, но последний превращался либо в непроизводительное богатство, либо служил источником паразитизма. Личная инициатива сдерживалась. Войны и грабежи постоянно разрушали созданное, губили население. Собственник не имел достаточной защиты. Налоги и повинности часто были разорительными, а непроизводительное потребление чрезмерным.

Техническая сторона основного противоречия заключалась в отсутствии удобных и мобильных способов накопления,

сохранения и циркуляции благ. Ведь богатство в виде натуральных благ, во-первых, было слишком громоздким и неудобным в хранении, во-вторых, легко могло испортиться или быть уничтоженным. Частично это преодолевалось путем государственного регулирования. Но в основном технический аспект основного противоречия разрешался путем развития товаро-денежных и договорных отношений, торговли, появлением удобных денег. Однако такое развитие производства и обмена обостряло общественную часть основного противоречия.

Говоря о хронологии аграрно-ремесленного принципа производства, нельзя забывать о крайней неравномерности и цикличности развития государств в этот период. Поэтому генеральную линию можно выделить только на больших временных отрезках. Хотя производительные силы могли достигать достаточно высоких форм и в рамках отдельных обществ, окруженных отсталой периферией, но требовалось подтягивание к авангардным и некоторым другим обществ. А поскольку такое расширение по срокам запаздывало и очень часто осуществлялось в виде завоеваний (с неизбежными разрушениями), то в забежавшем вперед обществе обычно наступал кризис.

Значит, дальнейшее развитие продолжалось не с момента остановки, а с уровня ниже нее. Но зато, начиная с более высокой отметки и имея более широкое основание, чем их предшественники, эти общества проходили ранние этапы гораздо быстрее и продвигались намного дальше вперед. Затем цикл в общем виде повторялся. Следовательно, в мировом масштабе датировать этапы продуктивнее с учетом завершения подготовки того базиса, который обеспечивает прорыв в более высокий этап.

Где-то в середине или в конце IV тыс. до н.э. вместе с процессом объединения Египта начинается третий этап принципа производства. Он продолжается в эпохи Раннего и Древнего царств и характеризуется формированием общеегипетской ирригационной системы. Несколько позже аналогичные процессы начались в Месопотамии. С конца III тыс. до н. э. и до конца II тыс. до н. э. в Египте наступает этап зрелости. На несколько сот лет позже, примерно с начала II тыс. до н. э. в этап зрелости вступает и Месопотамия.

Но если вступление в зрелость при благоприятном географическом факторе могло происходить в рамках крупного государства, то вступление в этап высокой зрелости требовало во

много раз большего цивилизационного пространства, а для появления последнего требовалась иная сельскохозяйственная техника. Поэтому с конца II – начала I тыс. до н. э. генеральная линия уходит с Ближнего Востока через Малую Азию в Грецию, которая в VIII–VI веках до н. э. вступила в период зрелости. Таким образом, во всемирном масштабе третий этап аграрно-ремесленного принципа производства длился примерно 2500 лет. Он начался в середине (конце) IV тыс. до н. э. и закончился в первой трети I тыс. до н. э.

В период эллинизма площадь активно взаимодействующих высокоразвитых социумов, объемы торговли и многого другого стали несопоставимыми с прежними временами. В результате эллинистические общества стали переходить к пятому этапу высокой зрелости. В целом этап зрелости в мировом масштабе длился со второй трети I тыс. до н. э. до последней трети I тысячелетия н. э., то есть около полутора тысяч лет.

С конца VII (начала VIII) века до XII века генеральная линия перемещается в арабский мир. Некоторые арабские страны прошли пятый (высокой зрелости) этап и вступили в следующий, аналогичный шестому этапу, но уведящий их вбок от генеральной линии. В течение нескольких веков Европа, обогащенная достижениями арабов и иных восточных стран, быстро ликвидировала отставание, и примерно в XII–XIII веках некоторые ее области вышли в шестой, подготовительный, этап. Генеральная линия вновь оказалась здесь. Следовательно, в мировом масштабе пятый этап аграрно-ремесленного принципа производства нужно датировать VII–XIII веками. А уже период XIII – первой половины XV века соответствует в мировом масштабе шестому его этапу.

В пятом параграфе **«Первый этап промышленной революции и начало промышленного принципа производства»** анализируются причины и особенности первого этапа промышленной революции и доказывается, что он происходил задолго до промышленного переворота XVIII века. Точка зрения, что, помимо промышленного переворота XVIII века, была и более ранняя промышленная революция (или революции), широко утвердилась в зарубежной науке с 40–50-х годов, но в отечественной у нее недостаточно сторонников.

В шестом подготовительном этапе старого принципа производства вместе с появлением многих элементов будущего возникают и различные кризисы, историческая роль которых

становится яснее лишь ретроспективно. Они способствуют появлению и расширению новшеств. Период XIV – начало XV в., то есть эпоха, предшествующая началу промышленной революции, также характеризуется различными по характеру кризисными явлениями в Западной Европе: чума XIV века, похолодание и ухудшение почв в старых районах пашенного земледелия, тяжелые войны и восстания в ряде стран. Все это резко обострило проблему рабочей силы и ее оплаты, что, бесспорно, способствовало укреплению технических новинок и их более широкому распространению. В XIII – начале XV века в Европе совершенствовались старые механизмы и появилось множество по тем временам выдающихся вещей: подъемников, станков, прессов и т.п. Шла механизация с помощью водяного колеса во многих производствах, в том числе в металлургии (для подачи воздуха, опускания молота). Развивались мануфактуры. Со второй трети – середины XV века начинается хозяйственный подъем.

Первый этап промышленной революции можно датировать второй третью XV–XVI веками. В это время в отдельных местах сложилась примитивная, но уже именно промышленность. Конечно, эта революция — явление гораздо более широкое, чем только перемены в технике. Не промышленность (и тем более не техника) играли на первом этапе ведущую роль. На авансцену выходят те виды деятельности, которые одновременно были способны к нововведениям и могли аккумулировать наибольшее количество прибавочного продукта. Такими были торговля и колониальное хозяйство, которые с XVI века все прочнее сплетались. Торговый капитал стал выступать как центральный элемент новой промышленности.

Итак, в XV–XVI веках вместе с первым этапом промышленной революции и великими географическими открытиями целый ряд стран Европы перешел к новому принципу производства. Процесс формирования нового принципа производства занял длительное время, в целом полтора столетия. Он продолжался где-то до 70-х годов XVI века.

Последняя треть XVI–первая треть XVIII века – это второй этап (молодости) нового принципа производства, период роста и развития новых секторов, пока они не стали в отдельных обществах (Голландия и Англия) ведущими. Однако регламентация, стремление все упорядочить и определить были все еще крайне сильными. Старая цеховая система в городах весьма

сильно противилась техническим и иным новшествам. Поэтому предприниматели переносили производство за город, в села, раздавая работу на дом. Таким образом, переходное противоречие постепенно разрешается как путем чисто производственных изменений, так и путем политических революций и изменений в законодательстве.

В шестом параграфе «Второй этап промышленной революции. Характеристика промышленного принципа производства» дается анализ промышленного переворота XVIII в. как второго этапа промышленной революции, описываются главные черты промышленного принципа производства и основное противоречие третьей формации.

В XVIII веке в Англии начинается **второй** этап промышленной революции, приведший к созданию машинной индустрии. Замена ручного труда машинным произошла в новой для Англии отрасли – хлопчатобумажной. В результате изобретения челночного ткацкого станка Джоном Кзем в 30-х годах XVIII в. нарушился баланс между двумя ее секторами: ткачеством и прядением. Ткачество стало резко опережать прядение. В последующие десятилетия (30-е – начало 60-х годов) готовился переворот в прядении, создавались первые варианты прядильных машин и осуществлялись не очень удачные попытки их внедрения, пока, наконец, не появились прялка Джеймса Харгревса и машины, используемые Аркрайтом. Таким образом, 30-е – начало 60-х годов XVIII века – это, на наш взгляд, уже начало промышленного переворота.

В 60–70-е годы начинают использовать паровую машину Уатта. Применение пара сделало человека более независимым от природы. Постепенно паровой двигатель полностью вытеснил водяной. Возникает мощная отрасль — машиностроение. Однако английский вариант второго этапа промышленной революции не был единственным. И там, где водной энергии было много, например в США, водяное колесо успешно конкурировало с паровым двигателем аж до 60-х годов XIX века.

Промышленный переворот в Англии в основном завершился в 30-е годы XIX века. Это означало и завершение третьего этапа промышленного принципа производства. К его концу успехи индустриализации, хотя и не столь очевидные, как в Англии, были уже в целом ряде стран.

С 30-х до 90-х годов XIX века — **четвертый (зрелости) этап**. Формируется и растет **основное противоречие третьей**

формации — между общественным характером производства, с одной стороны, и частным (корпоративным) способом присвоения благ, распоряжения капиталами и принятия важнейших экономических решений — с другой. Иными словами, порядок распоряжения производительными силами подчиняется целям извлечения прибыли и интересам отдельных лиц, групп и корпораций (будь то монополии, министерства, союзы промышленников, профсоюзы). Но поскольку все компоненты производства очень тесно взаимосвязаны, каждое частное изменение в нем, предпринятое в лично-корпоративных целях, может отражаться на многих или даже на всем обществе, иногда весьма болезненно.

Следствий этого противоречия много, в том числе: 1. Экономические кризисы перепроизводства 2. Массовая и постоянная безработица (при социализме, напротив, дефицит благ и рабочей силы) 3. Принцип частной собственности ведет к классовому делению и, как следствие, к острой общественной борьбе. Бремя же поддержания внешнего и внутреннего мира полностью возлагается на общество.

Техническая же сторона основного противоречия третьей формации означает недостаток удобных форм объединения капиталов, а также противоречие между техническим и человеческим компонентами производительных сил, связанных с возвышением первого и понижением второго.

Пятый этап (высокой зрелости) длился примерно с 90-х годов до первой мировой войны 1914 г. Мощно развивается химическая промышленность, происходит рывок в сталеплавлении, начинают широко использовать электрическую энергию, которая наряду с нефтью постепенно теснит уголь. Телеграф, телефон связали мир. С двигателями внутреннего сгорания появились машины, способные действовать автономно. Электродвигатели изменили лицо фабрик, быт.

И, наконец, последний, **шестой**, этап продолжался до середины XX века. Идут мощная интенсификация производства и внедрение научных методов его организации, невиданные прежде стандартизация, укрупнение предприятий. В это время уже можно заметить предпосылки научно-технической революции. Производительные силы достигли пределов роста, дальше которых они могли бескризисно развиваться только при хотя бы частичном разрешении основного противоречия.

В седьмом параграфе **«Переход к научно-информационному принципу производства и некоторые его характеристики»** доказывалось, что НТР можно рассматривать как производственную (научно-информационную) революцию, с началом которой следует связывать новый научно-информационный принцип производства и четвертую формацию в целом. Делаются некоторые прогнозы.

Переход к новому принципу производства не идёт гладко, а сопровождается сильными кризисами и потрясениями. Поэтому шестой подготовительный этап промышленного принципа производства был связан не только с массой различных новаций, но и с большими потрясениями, которые так или иначе захватили почти весь мир (мировые войны, экономические кризисы, чудовищные социальные эксперименты). **После второй мировой войны США первыми вступили в новый научно-информационный принцип производства.** Европа и Япония вступили в новый принцип производства позже, в 50–70-е годы, когда оправались от войны. Для Европы важнейшим этапом была интеграция в ЕЭС. Основное противоречие было частично разрешено. Теперь при сохранении силы рынка государство регулировало народное хозяйство налогами, заказами, планированием, вмешательством в дела банков, контролем за обращением денег, стимулированием спроса, ограничением промышленных конфликтов. Все это делало развитие более ровным и смягчало кризисы.

Производственная революция, которая началась в 40–50-е годы XX века и продолжается по сию пору, получила название научно-технической. Но точнее ее было бы назвать научно-информационной, так как наметился переход к научным методам управления производством и обращением. В сфере же информации произошли огромные изменения. Помимо этого НТР имела еще ряд направлений: в энергетике, в создании искусственных материалов, автоматизации, в освоении космоса, сельском хозяйстве.

Но основные результаты этой революции еще впереди. Все более вероятным представляется давно высказываемое мнение о неизбежности второго этапа этой революции. Второй этап, возможно, будет иметь «биологический» уклон, ведущий к изменениям в отношении к природе (управление природой). И – судя по сегодняшним достижениям генетики и медицины – есть основания говорить, что первичный прорыв может состо-

яться в области планируемого воздействия на человеческий организм.

Поскольку четвертый принцип производства находится еще в начальных стадиях и только готовится вступить в свой третий (расцвета) этап, после которого уже станут более очевидными его собственные черты, говорить о его характеристиках приходится во многом предположительно.

Первый его этап проходил в 40–80-х годах XX века. С середины 80-х годов вместе с появлением или достаточно широким распространением удобных в обращении компьютеров, средств связи и прочего, думается, мир стал вступать во **второй** его этап, связанный с количественным распространением новшеств. Новые сектора с учётом, конечно, международного разделения труда становятся в некоторых странах ведущими. В то же время ряд открытий в области генетики и медицины, а также принципиально новые поколения компьютеров, еще не столь радикальных, чтобы начать новый виток изменений, но крайне важных в качестве составных частей будущего, возникают на глазах. Весьма вероятно, что где-нибудь в 10–20-е годы XXI века начнется второй этап научно-информационной революции.

Современные производительные силы давно уже перешагнули национальный объем и границы и становятся все более интернациональными. Мало того, наиболее быстро растущие области производства как раз по природе своей наднациональны или планетарны. Например интернет и космос. Сегодня экономика все сильнее опирается уже не на национальные единицы, а на наднациональные экономические объединения с проникновением во все мировое пространство; а также на сферы деятельности, по своей сущности наднациональные или общечеловеческие.

Новый принцип производства ещё только в начале пути. Одни страны вступили во второй его этап. Иные лишь в первом переходном. А большинство ещё в разных этапах индустриального принципа производства. Основное противоречие, разрешившись в национальном масштабе, проявляется теперь уже как переходное в региональном и планетарном. Ведь экономика всё больше становится мировой, а использование ресурсов, законы и нормы, принятие решений остаются национальными, а во многом и частнокорпоративными. **А значит, возникает противоречие между общепланетарными судьбами челове-**

ства и национальной ограниченностью. Оно выражается по-разному, в том числе как противоречие между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным (партийным, корпоративным) эгоизмом, между общепланетарными нуждами человечества и узко понимаемыми национальными интересами. И это глобальное противоречие в будущем в ряде стран может стать особенно непримиримым в плане сохранения окружающей среды, как сегодня в правах человека.

Далее идут некоторые футурологические предположения о характеристиках четвертой формации.

В третьей главе ***«Взаимосвязь производственного и других аспектов исторического процесса»*** показывается взаимосвязь принципов производства, то есть производственного аспекта исторического процесса с другими его аспектами: экономическим (категория «тип отчуждения благ и личности»), политическим (категория «тип политической организации обществ»), социальным (категория «тип социальной организации обществ»), этническим (категория «тип этнической организации обществ»), духовным (категория «тип общественного сознания»).

В первом параграфе ***«Тип отчуждения благ и личности»*** характеризуется взаимосвязь принципов производства и экономического аспекта исторического процесса, описываемого категорией тип отчуждения благ и личности.

В нашей науке существовали понятия внеэкономического и экономического принуждения как характеристик соответственно классовых докапиталистических и капиталистического способов производства. Взяв за основу эту идею, мы, во-первых, распространили ее на все формации, а во-вторых, заменили термин «принуждение» как недостаточно широкий на «отчуждение». Нами также выделено среди других абстрактных свойств благ **отчуждаемость**, то есть способность их отрываться, отделяться от того, кто ими обладает. Степень отчуждаемости очень зависит от уровня развития производительных сил, объема прибавочного продукта и технической способности накапливать блага, обменивать их, заменять субститутами.

Поэтому отчуждаемость благ можно избрать исходным пунктом для выведения формационной категории — **тип отчуждения благ и личности**. Это понятие описывает некоторые общие черты распределительных отношений и процесса отчуждения благ каждой формации. Но необходимо вести речь также

и об отчуждении личности, поскольку отчуждение благ не может происходить, не затрагивая личности их производителей и владельцев. Личность иногда отчуждается целиком (например, при рабстве), но чаще отчуждаются ее определенные черты, свойства, возможности, характеристики или атрибуты (труд, время, здоровье, права, интересы).

Тип отчуждения первой формации мы называем **дозкономическим**. Он характерен тем, что от производителя отчуждается весь или часть добытого им продукта, который потом делится так, чтобы, с одной стороны, поддержать весь коллектив, а с другой – воспроизводить те элементы учета индивидуального вклада и неравенства, что утвердились в каждом обществе. **Дозкономическим** тип отчуждения называется не только потому, что собственно экономики нет еще, но и потому, что нет ясной противоположности экономических и неэкономических способов распределения произведенного, как это наблюдается уже в следующей формации. Также нет заметного социального и имущественного неравенства (а только половозрастное), эксплуатации, замкнутых социальных групп. Труд еще не стал делом неравноправных.

Распределение благ было **равнообеспечивающим**, но **неравным**. Оно не было и не могло быть равным, но, по крайней мере, в идеале, пищи должно быть достаточно, чтобы накормить всех. Для этого существовали специальные правила дележа добычи. Они в каждом племени и даже роде могли быть особыми и зависели от разных причин (в том числе от типа хозяйствования и методов охоты, рыбной ловли). Где-то охотник получал лучшую долю, где-то даже худшую. Таким образом, наиболее сильные, энергичные и удачливые люди не имели равноценной своему вкладу доли. Следовательно, можно говорить об отчуждении труда и личности производителя первобытным коллективом с помощью обычаев, традиций и запретов, требований помощи, подарков, услуг, поддержки в конфликтах родичей и соплеменников. Все это лишало людей стимулов к увеличению производства и накоплению излишков.

С появлением лука и возможностью (и часто одновременно необходимостью) добывать пищу малыми группами существенно меняются и правила распределения в сторону учета «трудового вклада». Лучшая приспособляемость и специализация обществ вела к развитию уже имевшихся половозрастного разделения труда и половозрастного неравенства. Последнее

часто выражалось в том, что женщинам и молодёжи было запрещено употреблять некоторую (наиболее ценную, редкую или вкусную) пищу, участвовать в общественных и религиозных делах. Мужчины средних лет в каких-то обществах могли работать меньше, а получать больше, чем молодёжь. Но в целом неравенство не носило чрезмерного характера.

С переходом к сельскому хозяйству усиливаются процессы накопления имущества и передачи его по наследству, поскольку появляются блага длительного хранения и возможность их запасать и обменивать (например скот).

В результате увеличения размеров родов и общин между ними появляется неравенство, образуются более и менее богатые и влиятельные коллективы. Главы последних тем самым приобретали большую власть и значительные возможности. В более выгодном положении находились те кланы, во главе которых стояли более крупные администраторы. В руках последних могло сосредоточиваться достояние ряда коллективов, в частности они распоряжались урожаем с общих полей. Возрастает значение грабительских войн. Война, кроме того, давала рабов.

Со вторым этапом сельскохозяйственной революции и созданием регулярного большого излишка благ возникает потребность в их аккумуляции, новом распределении и охране. Все это вело к очень существенным изменениям в организации общества. И в конечном счете указанные задачи наиболее удачно стали решаться с помощью государства. Поэтому система распределения была исключительно тесно связана с типом государства и с той социальной конструкцией и иерархией, на которую оно опирается.

Возникают очень разнообразные распределительные отношения. Однако бросается в глаза обязательное наличие и важная роль в них моментов, связанных не с экономической заинтересованностью, а напротив – с внеэкономическим воздействием на участников производства и распределения. Поэтому данный тип отчуждения можно назвать **внеэкономическим**. Под ним понимается отчуждение силой или угрозой её применения, другими способами, насилующими и парализующими волю и свободу выбора, социальной неправомерностью, регламентацией, необходимостью подчиняться жесткому государственному или общинному контролю и прочим. Частые войны, во время которых имущество, жизнь и свобода людей подверга-

лись постоянным опасностям, усиливали внеэкономический характер отчуждения. Экономические рычаги играли подчинённую роль. Наиболее полно внеэкономический характер выражается в военном грабеже, рабстве, крепостничестве. Если говорить о наиболее типичных в рамках формации видах распределительных отношений, то таковыми являлись налоги. Характер последних в большинстве случаев не учитывал их воздействия на экономику.

На первых этапах третьей формации самым важным было утверждение незыблемости, святости и неприкосновенности частной собственности и всего с ней связанного. В результате она, как своеобразный экономический магнит, стала принуждать к труду сама по себе. Надо особо отметить полное устранение регламентации (чем и как заниматься предпринимателям), свободу экономической деятельности и перемещений.

Вопреки распространённому как в нашей, так и в западной науке мнению, в III формации существует не экономическое, а лишь **полуэкономическое отчуждение**. Ведь формального юридического равенства недостаточно, чтобы говорить об экономическом отчуждении. И если человека практически лишили возможности зарабатывать на жизнь иным путём, чем наниматься на работу, и перед ним постоянно стоит угроза голода и нищеты; если нет никаких социальных гарантий, права на законное коллективное отстаивание своих интересов, законодательного ограничения эксплуатации, то, несмотря на внешнюю свободу трудовых отношений, нельзя вести речь об экономическом типе отчуждения, а только о полуэкономическом. Разумеется, данная категория не означает какого-то математического равенства вне- и экономических форм. Важнее сам принцип их сосуществования, невозможности обойтись друг без друга, взаимное переплетение и дополнение.

Когда капитализм только выходит из феодализма, этот момент совершенно ясен (эксплуатация и ограбление колоний, работорговля). Однако вне- и экономическое отчуждение сосуществуют и на стадии машинного производства. Либо органически связанные (свободный найм наряду с отсутствием ограничения эксплуатации), либо как отдельные сектора (колонии и метрополии, промышленность и крестьянство). Даже налоги носят полуэкономический характер. С одной стороны, изъятия у производителя со стороны государства становятся разумными и достаточно низкими, с другой – непропорциональная тяжесть

налогов лежит на трудящихся классах. Таким образом, **сочетание вне- и экономических форм является обязательным для данного типа отчуждения.**

По мере того, как труд стал механизированнее и производительнее, а прибавочный продукт – больше, удалось ограничить эксплуатацию и законодательно закрепить определенные права за рабочими. Но в это же время и в последующие десятилетия (конец XIX – первая половина XX века) резко обострилась общественная часть основного противоречия третьей формации. Влияние развившейся промышленности на все общество так выросло, что от колебаний конъюнктуры стало страдать почти все население. Жестокие и внезапные экономические кризисы показали, что свободу предпринимательства необходимо ввести в определенные рамки.

С послевоенного времени все возрастала роль государства в таких областях, как поддержание минимального благополучия людей, развитие и поощрение различных видов социального и иного страхования, создание такой законодательной и политической базы, которая заставляла производителей тратить большие средства на иные, чем раньше цели (образование, адаптацию, страхование). Кроме того, были подтверждены или введены принудительные меры к некоторому ограничению свободы договоров в области тарифов, цен, зарплаты, при приеме на работу. Страхование по безработице, болезни, несчастному случаю, пенсии и многое другое сделали жизнь людей гораздо увереннее, чем в прежнее время.

Таким образом на основе разворачивания научно-информационного принципа производства и НТР сформировался **экономический тип отчуждения**. Благодаря гигантскому излишку благ каждый человек просто потому, что он гражданин или житель определенной страны, может претендовать на социальные гарантии и права. Но экономический тип отчуждения позволяет проявить свои квалификацию и способности и получать во много раз больше социального минимума. Экономический тип отчуждения, однако, чтобы проявиться полностью, предполагает выход за рамки одного общества. В настоящий момент главный район внеэкономических форм не сами развитые государства, но слабо- и среднеразвитые страны.

Во втором параграфе «Тип политической организации обществ» вводится категория тип политической организации обществ и показывается взаимосвязь принципов производства и

типов политической организации обществ в рамках формаций и исторического процесса в целом.

Категория **тип политической организации обществ** показывает типичные способы и принципы объединения в политические образования, в частности степень институционализации власти и главные ее институты; главные формы взаимоотношений независимых политических образований.

В первобытном обществе власть держалась на личном авторитете и тесно связывалась с умением вожака обеспечить коллективу достаточно приемлемую жизнь. Базовыми единицами были общины и роды в несколько десятков человек. В ранний период аграрного производства экономика носила, как известно, престижный характер. Это вело к росту влияния могущества вождей и администраторов, росту неравенства и неравноправия. Постепенно намечается отделение власти от общества. Переходным моментом к государству в плане наиболее перспективной линии исторического процесса можно считать **вождество**.

Мы не знаем точно, как именно образовались первые государства в речных долинах Нила, Тигра, Евфрата. Безусловно, что огромную роль сыграла необходимость хозяйственного регулирования воды рек для полива. Несомненно также, что для возникновения первичных государств как совершенно нового феномена требовались исключительные условия, в том числе и небывалые доселе возможности по производству и отчуждению прибавочного продукта. Впервые этого удалось достичь на базе интенсивного ирригационного земледелия.

Вариантов перехода от кровнородственных и племенных к территориально-государственным образованиям было много, и процесс этот оказался непростым и долгим. Но можно сказать, что *не только на первых этапах, но и долгое время спустя симбиоз хозяйственных и политических функций был наиболее удачным решением, которое позволяло достаточно полно использовать возможности природы, накапливать богатства, благоприятствовало росту населения и культуры.*

Сформировался **государственно-территориальный** тип политической организации обществ. Это название подчеркивает невысокую обычно степень централизации, различия в порядке управления и законах в областях и территориях единого государства, прочие их важные привилегии и особенности.

В районах с не столь плодородными почвами, естественно, и населения было меньше, и плотность его была ниже, поэтому меньше была и необходимость государству вмешиваться непосредственно. Но и прибавочного продукта в таких районах было намного меньше, и он аккумулировался прежде всего для военной сферы. Поэтому не чиновник, а воин выступал здесь главным посредническим звеном между государством и производством. Однако и в ситуации относительной бедности природы таились важные потенции. В конечном счете в Европе сложился новый и удачный баланс между политической и экономической (и, следовательно, производственной) сферами. Но с другой стороны, государство еще очень неохотно допускало влияние промышленников и торговцев на внутреннюю и особенно внешнюю политику.

В XVI–XVII веках в результате укрепления новых принципа производства и формации в Европе формируются и новые типы государства с гораздо большей централизацией и единством правил, чем раньше. Наиболее удачный баланс между государством и экономикой в XVIII веке сложился в Англии, где и начался совершенно новый этап развития производительных сил – промышленный переворот. Постепенно мысль о необходимости машинного производства утвердилась и в ряде других стран. И этому способствовало то, что представители крупной и средней буржуазии добились права активно участвовать в определении внутренней и внешней политики. Процесс перехода государства от поддержки аристократии и дворянства, крупных финансистов и торговых монополий к поддержке собственной промышленности в разных странах проходил по-разному, но гладким не был нигде.

Крупное промышленное производство машинного типа таково, что требует именно расширенного воспроизводства. А последнее, в свою очередь, обязывает государство создавать и постоянно поддерживать целый ряд условий, в том числе общественный порядок, воспроизводство рабочей силы и специалистов, соответствующие общественное мнение и уважение со стороны властей, отстаивание промышленных интересов в международных делах, разумные налоги.

Таким образом, сформировался новый тип политической организации обществ – **государственно-национальный**, поскольку он был неразрывно связан с формированием единого хозяйственного национального организма и ведущей или гос-

подставляющей нацией. Но, конечно, он имел существенные особенности в разных странах. В странах классического капитализма при расширении демократии правительства хотя и явно сочувствовали имущим классам, но все же вынуждены были отказываться от принципа невмешательства в отношения капиталистов и рабочих. С конца XIX века в результате концентрации производства резко выросло влияние монополий. Государственная политика колебалась между интересами монополий и большинства населения как основного избирателя. Демократическое государство все чаще выступало арбитром в социальных спорах, следовательно, все более становилось надклассовой силой, роль государства в регулировании экономики начала возрастать.

После великой депрессии и второй мировой войны возникла ситуация, когда государство возвратилось, но уже на совсем новом этапе развития производства, к его регулированию и часто прямому вмешательству в него. Вместе с тем увеличилось и налоговое бремя. Переход к кейнсианской модели уменьшил остроту экономических кризисов. Таким образом, новая модель соотношения государства и производства оказалась эффективной. Однако усиливающиеся глобальные проблемы уже показали ограниченность многих прежних представлений и необходимость изменения в будущем модели взаимоотношений государства и экономики.

Все очевиднее зависимость благополучия национальных экономик от стабильности в самых разных местах мира и невозможность в одиночку решить глобальные проблемы. Это усиливает тенденции ограничения суверенитета в ряде случаев. Но главное, сами потребности производства резко увеличивают тягу к интеграции, особенно региональной или отраслевой. Следовательно, развитие производительных сил становится одной из **важнейших причин изменения характера власти и суверенитета**. И необходимо констатировать формирование нового типа политической организации обществ – **надгосударственного**.

По сути (но не по формам, а по результатам), должна произойти определённая «политическая революция», которая ограничит национальный суверенитет в пользу наднациональных, а во многом и общемировых интересов.

В третьем параграфе «Тип социальной организации обществ» раскрывается содержание категории тип социальной

организации обществ, дается характеристика формационных типов этой категории и прослеживается их взаимосвязи с принципами производства.

Несмотря на разнообразие социальных единиц, все же в каждой формации можно увидеть и абстрактные общие черты социальной структуры каждого общества. Это сходство и позволяет обобщать их категорией **тип социальной организации, которая показывает главные принципы социальной структуры, главные линии социального деления, основные механизмы, которые создают и поддерживают неравенство в обществах данной формации.**

Общие характеристики типа социальной организации обществ каждой формации вытекают из того, что вариативность в рамках формации и по времени и от общества к обществу не безгранична, а имеет определенные, хотя и широкие рамки. Эта амплитуда задается общими возможностями производства и обмена, пределами роста населения и уровня культуры.

Длительные периоды достаточно обильной охоты заложили очень прочные основы эгалитарности, без чего впрочем первобытные коллективы и не выжили бы. Это были объединения людей, у которых нет институционализированных различий в зависимости от того, в какой семье они родились или каким имуществом владеют. Поэтому главными признаками неравенства являлись, во-первых, половые и возрастные различия, а также отношения родства и свойства, которые вместе и определяли место человека в родовом коллективе; во-вторых, приобретенный с помощью личных качеств и заслуг статус (авторитет, общественная должность). Таким образом, тип социальной организации обществ этой формации можно назвать **родственно-половозрастным**. В некоторых случаях доходило до сильного антагонизма между мужчинами и женщинами, между молодежью и «стариками» (то есть людьми определённого возраста).

Институт родства и брака во многом играл центральную роль в социальном делении этих обществ. Крайне важными являлись брачные правила и запреты вступать в брак с людьми из определённых родов и групп.

С началом и развитием аграрной революции численность населения значительно увеличилась, что ломало прежнее равенство. Жизнь в основном регулируется в меньших, чем род, структурных группах (линиджи, их части, семейные группы). Возникает и сеть горизонтальных связей между членами родо-

вых коллективов в виде различных тайных обществ, побратимств, объединений ровесников.

В результате роста населения и его структурирования возникает неравенство внутри разных линий одного рода и между родами. Постепенно формируются привилегированные кланы и линиджи, которые оттесняют других от принятия решений. Их члены нередко становились родовой знатью. В других случаях родовой аристократией становилась консолидированная верхушка многих родов и кланов. Позже на этой основе появились примитивные, но жёсткие сословия, вроде полинезийских. Власть вождей и старейшин усиливалась, и эти должности могли уже наследоваться. Все большее значение получают и иные выдающиеся люди. Увеличивается и имущественное неравенство, возникает рабство.

Всё это и многое другое свидетельствовало о разложении родового строя. Но всё же эгалитарность еще долго оставалась исключительно сильной. Поэтому требовались новые факторы воздействия. Таким могло быть сильное перемешивание населения в результате переселений, войн, смешения народов. Другой фактор – резкое возрастание объема производства и населения. Это происходило в результате перехода к интенсивному земледелию. Появление излишка продукции открывало путь к новым формам неравенства. В иных случаях в процессе формирования социального неравенства ведущее место занимали война и грабеж. Но только когда над общинами надстроилось государство, родовой строй стал уходить в прошлое.

С возникновением государства появляется или резко возрастает возможность насильственного введения тех или иных различий. Стоит отметить, что географическая среда (особенно плодородие почвы и естественные границы) сильно влияла на численность населения и его социальную структуру.

Таким образом, во второй формации на основе достаточно производительного, но консервативного аграрного производства сформировался **сословно-классовый (ранговый) тип** социальной организации обществ. Там, где государство играло важнейшую роль в экономике, социальный стержень общества был связан с чиновничеством. В более бедных странах особое значение приобретает военное сословие, которому государство очень часто дает землю и власть над крестьянами. Во многих обществах важную (а то и ведущую) роль играло духовное сословие.

Связь производительных сил и социального деления во второй формации иногда очень наглядна, иногда опосредована всевозможными политическими и религиозными моментами. В индустриальных обществах третьей формации она становится более прозрачной. Уже переход даже не к промышленному, а торговому только обществу сильно меняет жизнь и социальную структуру. При утверждении же машинной промышленности и вовсе идет коренное изменение в социальной сфере. Во-первых, мощная урбанизация, сокращение и расслоение крестьянского населения. А вместе с этим рост образования, культуры и прочего. Во-вторых, появляются новые классы буржуазии и пролетариата с многочисленными прослойками и группами.

Таким образом сформировался **классово-собственный** тип социальной организации обществ, когда основное социальное деление общества строится вокруг обладания собственностью. Необходимо отметить, во-первых, всё большее юридическое равенство и меньшее вмешательство в частную жизнь. А отсюда определённая независимость, свобода занятий, эмиграции, предпринимательства, творчества. Во-вторых, статус человека всё больше зависит теперь от его имущественного положения. Деньги становятся основным социальным признаком, а, следовательно, общественная мобильность возрастает.

Влияние производительных сил резко возросло с переходом к научно-информационному производству и экономическому типу отчуждения. Поэтому увеличилась и роль государства в регулировании экономики и жизни. Вместе с ростом социальных гарантий, получением равных политических и юридических прав для всего населения это способствовало изменению социальной структуры и отношений. Роль частной собственности и имущественного неравенства по-прежнему очень велика, но уже существенно меньше, чем раньше. Сегодня весьма велика роль менеджеров всякого рода, а также технических специалистов.

В социологии к наиболее важным среди типов благ, вокруг обладания которыми возникает неравенство, относят: **власть, богатство, престиж, статус, привилегии**, иногда – **образование**. Помимо них нужно, на наш взгляд, добавить и такой тип благ, как **личная известность** (очень тесно связанной с возможностями доступа к СМИ). Существенный всегда, в современных обществах он становится одним из важнейших. Эта весьма разношерстная публика имеет общим то, что эксплуатирует

свою популярность, конвертируя ее в должности, деньги, связи и разные блага, даже порой передавая свою известность по наследству. Значение такого слоя в информационном обществе, по-видимому, будет расти.

В четвертом параграфе « Тип этнической организации обществ» вводится категория тип этнической организации обществ и ее подтипы; сопоставляется развитие принципов производства и типов этнической организации обществ на протяжении всего исторического процесса.

Категория **«тип этнической организации обществ»** показывает сходства в этническом оформлении обществ: по степени крепости и устойчивости этнических образований; отделенности этничности от других качеств социума; уровню этнического самосознания; по объемам этнических единиц, их связи с государством и прочему.

В первобытности задолго до аграрной революции предельными этническими единицами были племена и соплеменности (то есть группы контактирующих близкородственных племен). Более крепкие и организованные единицы – роды – могли полноценно существовать, только составляя между собой определенное культурное, религиозное, брачное и иное единство. Поэтому тип этнической организации называется **родоплеменным**.

В предгосударственный и раннегосударственный периоды возникли более крупные и сплоченные племена и объединения племен. На их базе в результате сложных исторических процессов с появлением новых политических форм, прежде всего государства, стали возникать и новые этнические общности – первые рыхлые этносы. Но эти процессы могли происходить только после аграрной революции.

Более или менее оформившиеся народности появляются уже в зрелой фазе второй формации на базе достаточно развитых государства и культуры. Процесс сложения народностей-этносов даже из близких племен был долгим, и очень длительное время этносы имели рыхлую структуру. Однако благодаря крепким обручам (вроде государства и религии) этносы цементировались.

Тип этнической организации второй формации называется **народно-территориальным** потому, что формируется уже народность как объединение многих племен и групп в некую целостность, а также потому, что принадлежность к народности и

ей соответствующему государству (или группе близких географически и этнически государств) связывается уже с проживанием на определенной территории, а не с вхождением в какую-то родовую группу.

Тесная связь между переходом к индустриальному производству, с одной стороны, национальным государством, формированием наций и национализма современного типа – с другой, отмечается многими учеными разных школ. С индустриализмом связано и возрастание роли государства в этнических процессах. У народности связь с государством не столь уж очевидна. Зато у нации эта связь несомненна и общепризнанна.

Таким образом, для третьей формации характерен **национально-государственный тип** этнической организации общества, который имеет и некоторые подтипы, например в странах с государственными автономными образованиями можно говорить о **национально-автономном** подтипе.

Трансформация государств в более крупные сообщества сегодня очень сильно влияет и на нации. Под влиянием современных производительных сил, средств связи и коммуникаций происходят процессы интеграции стран в различные наднациональные объединения экономического и даже экономикополитического характера. Особое место занимает интеграция Европы. Чем дальше заходит процесс ограничения суверенитета, тем он становится необратимее. Сказанное, учитывая неразрывную связь нации и государства, ведет к тому, что над прежней национальностью надстраивается новый этаж особой этничности (точнее, качество, близкое к ней по своим функциям).

В пятом параграфе **«Тип общественного сознания»** вводится категория тип общественного сознания, даются ее подтипы и сопоставляется развитие принципов производства с развитием формационных типов общественного сознания.

Категория **тип общественного сознания** показывает в общих чертах структуру и систему общественного сознания в рамках каждой формации; какие формы сознания преобладают; способы создания хранения и распространения информации; способность общественного сознания адекватно отражать реальность и изменяться под влиянием бытия. Новый тип общественного сознания может появиться и закрепиться лишь при совершении производственной революции.

Если давать характеристику общественного сознания первой формации и в целом, то прежде всего необходимо указать на примитивную религию. Ибо сознание первобытных людей буквально пропитано ей. Тип общественного сознания можно определить как **примитивно-религиозный**, поскольку другие формы сознания во многом подчинены религиозным представлениям, хотя, разумеется, не полностью.

Переход к примитивному земледелию и скотоводству привел к росту населения, большей его оседлости, усложнению структуры родов. Все это способствовало развитию в ряде обществ вертикальной системы родства, когда генеалогия прослеживается в достаточно длинном ряде поколений. Значит, усилилось и почитание предков, а также индивидуальных духов-покровителей. Переход к достаточно продуктивному сельскому хозяйству в большинстве случаев оказывается связан с обожествлением сил природы. И в период совершения второго этапа сельскохозяйственной революции и формирования ранних государств возникает более или менее развитое язычество.

Вместе с образованием первых государств прежние культурные сообщества начали перерастать в первичные цивилизации. Это означало также очень крупное общественное разделение между физическим и умственным трудом. Для образования цивилизации требуется достаточно высокая концентрация человеческих и материальных ресурсов. Поэтому в государствах, редко населенных, возникновение самостоятельной цивилизации маловероятно.

Ранние цивилизации (египетская, крито-микенская, месо-потамская) со сравнительно слабой и рыхлой идеологией сменяют цивилизации второго поколения, в которых возникает большая дифференциация в области интеллектуальной деятельности, появляются религиозно-этические и политико-этические концепции, философия. Высшая стадия цивилизаций связана с мировыми религиями, в которых идеология стала **надэтнической и надгосударственной**.

Сложившийся порядок нуждался в идеологическом обосновании и воспроизводстве. Поэтому практически везде религиозные корпорации (или корпорации идеологов, как в Китае) играли важную роль в жизни обществ, а влияние религии на право, собственность, политику, не говоря уже о браке, быте, морали, потреблении было большим.

В третьей формации в связи с развитием машинного производства, образования, науки, урбанизации, появлением средств массовой информации создается правовое государство с конституционным режимом. В связи с уменьшением регулирования хозяйственной жизни методами прямого административного контроля на первый план выдвигается право и как бы подчиняет себе все остальные формы. Закон кажется теперь естественным, незыблемым, нерушимым. В этом случае формируется **политико-правовое сознание**. В странах, где индустриализация началась позже и с помощью государства, в условиях авторитаризма возникло **политико-идеологическое сознание**. Но и в том и в другом случае связь нового политического сознания и экономики несомненна. Таким образом, тип общественного сознания третьей формации можно определить как **политико-правовой** (вариант – **политико-идеологический**). Огромную роль начинают играть новые идеологии, а также их создатели, распространители и хранители, то есть различные отряды интеллигенции и партийные активисты

В четвертой формации все явственнее выделяется среди других форм общественного сознания **научно-информационное**, которое во многом подчиняет себе другие. Поэтому формирующемуся типу общественного сознания четвертой формации можно дать название **научно-информационного**. Мир стал теснее за счет новых или более совершенных видов транспорта, связи, средств информации. Как результат родились и оформились представления о единстве человечества, его интересов и судеб, несмотря на все различия между его частями, убеждение в недопустимости войн, осознание необходимости сбережения природы, которая рассматривается не только как национальное, но и общечеловеческое достояние.

В **Заключении** диссертации подводятся общие итоги исследования, формулируются выводы.

Основное содержание диссертации отражено в **следующих публикациях**:

1. Производительные силы и исторический процесс. – М.: Теис, 2000. – 268 с. – 16,7 п.л.

2. Философия, социология и теория истории. – Волгоград: Учитель, 1999. Изд. 2-е, пер. и доп. – 356 с. – 22,2 п. л.

3. Формации и цивилизации // Философия и общество. – 1997. – № 1–6; 1998. – № 1–6; 1999. – № 1, 2, 3, 5; 2000. – № 1 – 4; 2001. – №1 (Всего в 21 номерах за 1997-2001 – 75,5 п. л.)

4. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета // Философия и общество. –1999. – № 4.– С.5-44 – 2,5 п. л.

5. Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического процесса) // Вестник Московского ун-та. Серия 12. Политические науки. – 1999. – № 1. – С.17-27– 0,6 п. л.

6. Политогенез: генеральная и боковые линии (доклад на Международной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций», Москва, 15-18 июня 2000). – Волгоград: Учитель, 2000. – 12 с. – 0,7 п. л.

7. Понятие общественных законов в гносеологическом аспекте / Илиадиевские чтения. Тезисы докладов и выступлений международной научной конференции. Курск, 3-5 марта 1998 г. – Курск: КГПУ, 1998. – С. 120-123 – 0,2 п. л.

8. Проблема стабилизации образа жизни и перспективы развития человечества /Человек в современных философских концепциях. Материалы Международной научной конференции (Волгоград, 17-19 сентября 1998) – Волгоград: изд-во ВолГУ, 1998. – С.301 – 304 – 0,2 п. л.

9. Отчуждение личности в аспекте философии истории) / Человек в современных философских концепциях. Материалы второй международной научной конференции (Волгоград, 19-22 сентября 2000г.). В двух частях. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2000.– Часть I.– С. 125-130 – 0,3 п. л.

10. Письмо в редакцию / Философские науки.– 1990. – № 5.–С. 120-123 – 0,4 п. л.

11. История России с древнейших времен. В 3-х частях. – Волгоград: Учитель, 2000. 2-е изд. – Ч.1 – 105 с.; Ч.2 – 84 с.; Ч.3 – 69 с. –16 п. л.

12. Politogenesis: General and Lateral Branches / International Conference Hierarchy and Power in the History of Civilizations (Moscow, June 15-18, 2000) Abstracts. – Moscow, 2000 – P. 51 – 0,1 п. л.

Подписано к печати 18.05.2001 г. Заказ 73. Объем 2,0 п.л.
Тираж 100 экз. Типография МГТУ им. Н.Э. Баумана
107005, Москва, 2-я Бауманская, 5.

10~